

Е.Н.Трубецкой

Философия Ницше

Критический очерк

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
Е11

E11 **Е.Н.Трубецкой**
Философия Ницше: Критический очерк / Е.Н.Трубецкой – М.: Книга по Требованию, 2014. – 163 с.

ISBN 978-5-458-05675-5

Вся философия Ницше, исходная точка которой – атеизм, а её конечный результат – отрицание человека, – это попытка преодолеть страх смерти и ответить на вопрос, стоит ли жить вообще. Автор ставит перед собой цель выяснить, как философ справился с этой задачей, и делает вывод о том, что учение Ницше, хотя во всех его произведениях чувствуется крупное философское и художественное дарование, глубина постановки философских вопросов, тонкость наблюдения и критики, богатство и яркость художественных образов, – носит на себе печать упадка философской мысли, а окончательные выводы его философии граничат с пошлостью. Это колоссальное несоответствие между затраченными силами и достигнутым результатом объясняется общим ослаблением и утомлением мысли, которое составляет характерную черту всей современной эпохи в отличие от дней высшего процветания философии, когда её одушевляла вера в разум и мысль, лежащую в основе существования.

ISBN 978-5-458-05675-5

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Философія Ницше.

„Въ наше время случается иногда,—говоритъ Ницше,— что человѣкъ вообще мягкий, умѣренный и сдержанній, внезапно приходитъ въ ярость, бьетъ посуду, опрокидываетъ накрытый столъ, кричитъ, неистовствуетъ, оскорбляетъ всѣхъ и вся и, наконецъ, отходитъ въ сторону, стыдясь и злобствуя на самого себя. Для чего, зачѣмъ? Для того ли, чтобы голодать на сторонѣ или чтобы задохнуться въ собственныхъ воспоминаніяхъ? Для человѣка, обладающаго потребностями возвышенной, разборчивой души, который рѣдко находитъ свой столъ накрытымъ и пищу готовою, опасность всегда велика; но въ наши дни она чрезвычайна. Заброшенный посреди шумнаго и вульгарнаго вѣка, съ которымъ онъ не въ состояніи дѣлить трапезы, онъ легко можетъ погибнуть отъ голода и жажды, или же отъ внезапной тошноты, если онъ все-таки рѣшился есть съ общаго блюда. По всей вѣроятности каждому изъ насъ приходилось сидѣть не на своемъ мѣстѣ за общимъ столомъ; и какъ разъ наиболѣе одаренные изъ насъ, тѣ, кого всего труднѣе насытить, знаютъ эту опасную *диспенсію*, которая возникаетъ вслѣдствіе внезапнаго прозрѣнія и разочарованія въ пищѣ или въ сосѣдяхъ по столу—послѣобѣденную тошноту“¹⁾.

Здѣсь Ницше описываетъ собственную свою скору съ

1) *Jenseits von Gut und Böse*, „282, В. „, 264. (Цитирую по изданію 1899 года).

вѣкомъ, собственное свое разочарованіе и уходъ отъ современного общества. Въ трапезѣ современной цивилизациіи все внушаетъ ему отвращеніе, какъ сотрапезники, такъ и ихъ духовная пища, какъ человѣкъ, такъ и его идеалы. „Бываютъ дни,—говорить онъ,—когда меня посѣщаетъ чувство, мрачнѣе самой мрачной меланхоліи—презрѣніе къ человѣку И чтобы разсѣять всякия сомнѣнія въ томъ, кого и что я презираю, скажу прямо: я презираю нынѣшняго человѣка, съ которымъ я роковыемъ образомъ связанъ, какъ современникъ. Нынѣшній человѣкъ! Я задыхаюсь отъ его нечистаго дыханія!“ ¹⁾ Тутъ рѣчь идетъ не о тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ проявленіяхъ современного человѣчества: философія Ницше есть дерзкій вызовъ современности вообще, протестъ противъ всего того, чѣмъ живеть современный человѣкъ, противъ его религіозныхъ вѣрованій и философскихъ идей, противъ нашихъ идеаловъ, соціальныхъ и этическихъ, противъ современной науки и искусства. „Моя философія,—говоритъ онъ,—заключаетъ въ себѣ побѣдоносную мысль, которая должна погубить всякий другой образъ мысли“ ²⁾). Это прежде всего разрушительная критика, которая не хочетъ оставить камня на камнѣ въ зданіи современной культуры.

Въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ дѣйствительности Ницше не ограничивается одною современностью. Заявляя себя во всѣхъ отношеніяхъ „несвоевременнымъ человѣкомъ“, онъ относится со сравнительною терпимостью къ временамъ прошедшими; но и эта терпимость дается ему цѣною усилий надъ собой: исторія человѣчества для него—исторія душевныхъ болѣзней, и самыя занятія исторіей онъ сравниваетъ со странствованіемъ въ домѣ умалишенныхъ ³⁾). Какъ плодъ всего предшествующаго развитія человѣчества, нашъ вѣкъ заключаетъ въ себѣ элементы средневѣковья и древности, обломки всѣхъ до него быв-

1) *Der Wille zur Macht*, § 38, B. VIII, 263.

2) *Der Wille zur Macht*, § 375, B. XV, 403.

3) *Der Wille zur Macht*, § 38, B. VIII, 263.

шихъ культуръ. А потому всестороннее отрицаніе современности у Ницше обращается въ отрицаніе человѣка и человѣчества вообще. Среди людей онъ не находить человѣка, который бы оправдывалъ существованіе человѣка и нашу вѣру въ него ¹⁾.

И не одинъ только человѣкъ служитъ для него предметомъ отрицанія. Человѣкъ—частичное явленіе мірозданія, слѣдовательно, частное проявленіе того всеобщаго неустройства, той всеобщей безсмыслицы, которую нашъ философъ усматриваетъ во всемъ существующемъ. Поэтому для Ницше недостаточно „преодолѣть человѣка“ ²⁾, онъ видитъ задачу своей мысли въ томъ, чтобы „преодолѣть вселенію“ ³⁾.

Этимъ отрицаніемъ не исчерпывается философія Ницше: отрицаніе составляетъ одну лишь сторону, одну изъ тенденцій его мысли. Отрицать дѣйствительность возможно только съ точки зрењія какого-либо положительного идеала, который противополагается существующему какъ нѣчто желательное, должное. „Когда мы отрицаємъ,—говорить Ницше,—это значить, что въ насъ есть нѣчто такое, что хочетъ жить и утверждать себя, нѣчто такое, чего мы, можетъ быть, еще не видимъ и не знаемъ“ ⁴⁾. Ниспровергая „идоловъ“ современного человѣчества и „разрушая его капища“, философъ хочетъ на развалинахъ „воздвигнуть новую святыню“ ⁵⁾). Его философская задача опредѣляется имъ самимъ какъ „переодѣнка всѣхъ цѣнностей“: она сводится къ замѣнѣ всего того, что доселѣ считалось благимъ и цѣннымъ—новыми „истинными“ цѣнностями.

Философія Ницше, какъ видно отсюда, есть попытка разсчитаться со всѣмъ прошлымъ и настоящимъ человѣчества. Попытка эта во всякомъ случаѣ заслуживаетъ серьезнаго

¹⁾ Zur Genealogie der Moral, § 12,

²⁾ Also sprach Zarathustra, B. VI, 13.

³⁾ Jenseits von Gut und Böse, § 227, B. VII, 182.

⁴⁾ Die fröhliche Wissenschaft, § 307, B. V, 236.

⁵⁾ Zur Genealogie der Moral, § 24, B. VII, 394.

вниманія. Если Ницше удалось взволновать свою эпоху, если въ настоящее время имя его на устахъ у каждого образованнаго человѣка, то это обусловливается не прихотливымъ и случайнымъ увлеченіемъ, не однимъ только капризомъ моды, а главнымъ образомъ, серьезностью поставленныхъ имъ вопросовъ и необычайностью его дарованій.

Запросы и сомнѣнія Ницше пріобрѣли всеобщій интересъ, и это одно уже доказываетъ, что въ нихъ скрывается нѣчто большее, чѣмъ простое чудачество. „Когда человѣкъ оказываетъ сопротивленіе всему своему времени, преграждаетъ ему путь и требуетъ у него отчета, это должно оказать вліяніе. Безразлично, хочетъ или не хочетъ онъ этого, важно то, что онъ это можетъ“¹⁾). Этими словами Ницше всего лучше выражается то значеніе, какое можетъ имѣть для насъ его философія. Онъ выставилъ рядъ тезисовъ противъ современнаго человѣка и противъ современной культуры. Вѣрны или невѣрны эти тезисы, во всякомъ случаѣ они не могутъ остаться безъ вліянія на насъ уже потому, что они вынуждаютъ насъ къ самопровѣркѣ, къ критическому пересмотру всего того, что въ наше время считается истиннымъ и цѣннымъ. Если этотъ пересмотръ и не приведетъ насъ къ „переоцѣнкѣ всѣхъ нашихъ цѣнностей“, то во всякомъ случаѣ онъ поможетъ намъ отвѣтить въ нихъ зерно отъ мякины: цѣнности мнимыя, призрачныя, не выдержать философской критики и отпадутъ; то же, что есть въ современной философской мысли дѣйствительно цѣнного, получить для насъ болѣе глубокое и прочное обоснованіе.

Критическая оцѣнка ученія Ницше можетъ оказать намъ и другую не менѣе важную услугу. Въ этой философіи съ необычайной силой высказалась неудовлетворенность современнаго человѣчества его настоящимъ и мучительная тревога за будущее. Въ ницшеанствѣ выразился острый

1) Die fröhliche Wissenschaft, § 156, B. V, 182.

кризисъ европейской мысли и предчувствіе опасности, грозящей человѣчеству въ будущемъ. „Уже съ давнихъ поръ,— говоритъ Ницше,— развитіе нашей европейской культуры совершается среди напряженія и муки, которая возрастаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ и словно близится къ катастрофѣ“. На рубежѣ двухъ столѣтій философія Ницше звучитъ какъ мрачное пророчество. Пророческія личности, говорить онъ, суть прежде всего страждущія личности: ихъ даръ предсказывать будущее служитъ для нихъ источникомъ мученій. Мысль эта тутъ же поясняется сравненіемъ: иныхъ животныхъ сильно страдаютъ отъ атмосферного электричества. Вслѣдствіе этого нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, обезьяны, обладаютъ способностью предвѣщать грозу. Еще задолго до появленія облаковъ они ощущаютъ скопленіе электричества въ окружающей атмосферѣ и, предчувствуя перемѣну погоды, ведутъ себя такъ, какъ будто ожидаютъ врага, готовятся къ защитѣ или бѣгству. Думаемъ ли мы о томъ, что ихъ страданія—пророческія страданія¹⁾.

Въ страданіяхъ Ницше выразилось состояніе современной общественной атмосферы, насыщенной электричествомъ. Они интересны для насъ, какъ симптомы общественного недуга, которымъ заражено современное человѣчество, и какъ явленіе пророческое.

I.

Міросозерцаніе Ницше въ первый періодъ его литературной дѣятельности.

Въ философской дѣятельности Ницше принято различать три періода: 1) періодъ увлеченія идеями Шопенгауера и Вагнера; 2) періодъ позитивизма и 3) періодъ собственно ницшеанскій (періодъ Заратустризма, по выражению Гаста)²⁾.

¹⁾ Die fröhliche Wissenschaft, 316, B. V, 241.

²⁾ Объ этомъ дѣленіи на періоды ср. Riehl, Friedrich Nietzsche, der Künstler und der Denker. *Vaihinger*, Nietzsche als Philosoph, стр. 44 и слѣд., Peter Gast Einführung in den Gedankengang von «Also sprach Zarathustra», Nietzsche, B. VI, 486.

Присматриваясь ближе къ этому дѣлению на періоды, мы убѣдимся, что оно нѣсколько произвольно и искусственно. Не подлежитъ сомнѣнію, что эпоха увлечения идеями Шопенгауера и Вагнера составляетъ особый, рѣзко очерченный періодъ философскаго развитія Ницше. Переходъ отъ метафизики Шопенгауера къ позитивизму, т. е. къ принципіальному отрицанію всякой метафизики былъ, дѣйствительно, кореннымъ переломомъ въ его міровоззрѣніи. Самаго поверхностнаго сопоставленія раннихъ произведеній нашего автора съ той серіей его трудовъ, которая начинается книгою „Человѣческое, черезезчуръ человѣческое“ (1876—1879) достаточно, чтобы убѣдиться, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя принципіально различными и даже противоположными философскими ученіями. Напротивъ, между произведеніями Ницше, относимыми ко второму и третьему періоду его философскаго развитія, такого принципіального различія не существуетъ; нельзя указать того философскаго принципа, который обозначалъ бы собою грань между этими двумя періодами. Отрицательное отношение къ метафизикѣ представляется характернымъ не только для серединной эпохи дѣятельности Ницше, но для всѣхъ вообще его произведеній, написанныхъ послѣ 1876 года; въ этомъ смыслѣ онъ оставался позитивистомъ до конца своихъ дней; поэтому врядъ ли можно говорить о какомъ-то третьемъ періодѣ его творчества, будто бы смѣнившемъ его „позитивный“ періодъ. Риль характеризуетъ этотъ третій періодъ какъ союзъ позитивизма съ романтикою (68); здѣсь, слѣдовательно, рѣчь идетъ не объ измѣненіи основныхъ принципіовъ философскаго ученія Ницше, а только о восполненіи его позитивизма новыми началами; новымъ тутъ, повидимому, является культурно-этическій идеалъ „сверхчеловѣка“, который составляетъ сущность ученія Заратустры. Нетрудно убѣдиться, однако, что новизна этого основного доктрины „заратустризма“ по сравненію съ болѣе ранними произведеніями Ницше, заключается главнымъ образомъ въ названіи. Уже въ книгѣ „Человѣческое, черезезчуръ человѣческое“

ясно обрисовываются основные черты „имморализма“ нашего философа; уже здесь перед нимъ носится идеалъ личности, возвысившейся надъ противоположностью добра и зла, „свободно и безстрашно парящей надъ людьми, нравами, законами и обычными оценками вещей“ ¹⁾; здесь мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ идеаломъ „сверхчеловѣка“, хотя и безъ этого названія. Гасть признаетъ, что основные принципы ученія Заратустры заключаются уже въ произведеніяхъ первого периода Ницше, въ его „Происхожденіи трагедій“ и въ „Несвоевременныхъ размышленіяхъ“ ²⁾. „Заратустрізмъ“ представляетъ собою вообще не болѣе какъ дальнѣйшее развитіе и обработку началъ, высказанныхъ въ болѣе раннихъ произведеніяхъ, обыкновенно относимыхъ ко второму или даже къ первому периоду литературной дѣятельности Ницше; вотъ почему въ немъ врядъ ли можно видѣть какой-либо особый, третій периодъ философскаго творчества нашего автора.

Въ числѣ признаковъ, отличающихъ второй периодъ отъ третьего, изслѣдователи обыкновенно указываютъ на интеллигентіализмъ второго периода Ницше: въ серединную эпоху своей дѣятельности онъ видѣлъ въ жизни „экспериментъ познающаго“, тогда какъ впослѣдствіи онъ полагалъ цѣль жизни въ проявленіи могущества личности, въ господствѣ ея воли; въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, по словамъ Риля, онъ признавалъ „жизнь для познанія“ проявленіемъ ложнаго аскетизма ³⁾. Съ этой точки зренія характернымъ для третьего периода представляется возвращеніе Ницше къ волюнтарізму Шопенгауэра.

Нетрудно убѣдиться въ томъ, что и здесь мы имѣемъ дѣло съ отличіями мнимыми, кажущимися. Прежде всего самое пониманіе жизни какъ „эксперимента познающаго“ выражено Ницше въ его „Радостной наукѣ“, т. е. какъ разъ въ произведеніи, относимомъ обыкновенно къ третьему пе-

1) *Menschliches, Allzumenschliches*, . . . В. II, 51.

2) *Nietzsche*, В. VI, 489.

3) Цит. соч., -стр. 67—68.

ріоду его дѣятельности ¹⁾). Далѣе, самое выражение „интеллектуализмъ“ въ примѣненіи къ серединной эпохѣ дѣятельности нашего автора требуетъ существенныхъ оговорокъ; въ эту эпоху, какъ и въ послѣдующую, въ его мысли боролись два противоположныхъ теченія—вѣра въ разумъ и отрицаніе разума. Какъ разъ книга „Человѣческое черезчуръ человѣческое“, т. е. главное произведеніе такъ называемой серединной эпохи дѣятельности Ницше, проникнута скептическимъ отношеніемъ къ разуму; именно здѣсь пространно развивается тема о нелогичности всей нашей жизни, о неспособности нашего разума къ познанію, вслѣдствіе чего, строго говоря, намъ слѣдовало бы воздерживаться отъ всякихъ сужденій ²⁾). Въ этой же книгѣ безсиліе человѣческаго разума объясняется тѣмъ, что онъ является орудіемъ нашей воли, нашихъ страстей ³⁾). Отсюда очевидно, что и здѣсь Ницше остается вѣрнымъ ученію Шопенгауэра о первенствѣ воли надъ разсудкомъ; поэтому и „волюнтаризмъ“ не составляетъ какого-либо отличія между вторымъ и третьимъ періодомъ его творчества. Несостоятельность дѣленія философіи Ницше на три періода обусловливаетъ между прочимъ некоторые курьезы въ изложеніи тѣхъ изслѣдователей, которые придерживаются этого дѣленія. Такъ, напримѣръ, Файгингеръ относитъ книгу „Утренняя заря“ только „отчасти“ ко второму періоду развитія нашего философа ⁴⁾!

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній мнѣ кажется, что въ творчествѣ Ницше слѣдуетъ различать не три, а только два ясно очерченныхъ періода, при чёмъ гранью между этими двумя періодами служить 1876 годъ, когда Ницше окончательно разочаровался въ Шопенгауэрѣ и Вагнерѣ. Само собою разумѣется, впрочемъ, что развитіе нашего мыслителя не прекращается и послѣ 1876 года; но

1) Die fröhliche Wissenschaft, § 324, B. 245; сравн. § 110, стр. 151—152.

2) Menschliches, Allzumenschliches, §§ 31, 32, B. II, 48—49.

3) См. напр. §§ 9, 16, 18, 32, B. II, 23—24, 32, 34—36, 49.

4) Цит. соч., стр. 49.

оно выражается уже не въ измѣненіи основныхъ началъ его ученія, а въ восполненіи и усовершенствованіи одной и той же точки зрењія, которой философъ остается вѣренъ до конца своей дѣятельности.

II.

Вліяніе философіи Шопенгауэра и музыки Вагнера въ первый періодъ философско-литературной дѣятельности Ницше соотвѣтствовало двумъ основнымъ влеченіямъ его ума и сердца — его философскому отрицанію дѣйствительности и его стремленію къ обновленію жизни посредствомъ искусства. Извъ его собственныхъ признаній мы знаемъ, что значать для него эти два вліянія. Въ ту пору пессимизма одна только музыка Вагнера могла сдѣлать для него жизнь сносною. Поэтому въ 1876 году, когда Ницше разочаровался въ этой музыкѣ, онъ почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Утрата была для него незамѣнною; онъ мучительнѣе, чѣмъ когда-либо, почувствовалъ пустоту и безцѣльность своего существованія ¹⁾.

О томъ, что значилъ для него въ то время Шопенгауэръ, мы узнаемъ преимущественно изъ раннихъ его произведеній. Въ статьѣ „Объ отношеніи Шопенгауэра къ нѣмецкой культурѣ“, написанной въ 1872 году, онъ называетъ великаго пессимиста единственнымъ нѣмецкимъ философомъ XIX столѣтія: во всей нѣмецкой культурѣ онъ признаетъ цѣннымъ только то, что Шопенгауэръ могъ бы назвать своимъ ²⁾. То вліяніе, какое имѣль на него Шопенгауэръ, обусловливается, по словамъ Ницше, тремя качествами этого философа — его честностью, его радостностью и его постоянствомъ; онъ честенъ, ибо, не заботясь о внѣшнемъ успѣхѣ, онъ въ своихъ произведеніяхъ обращается только къ самому себѣ, пишетъ только для себя; онъ радостенъ, ибо онъ преодолѣлъ мыслью величайшія трудности; наконецъ, онъ постояненъ, потому что такова его природа ³⁾.

¹⁾ Der Wille zur Macht 460, B. XV, 469.

²⁾ B. IX, 369.

³⁾ Schopenhauer als Erzieher. B. I, 402.

Шопенгауэръ искалъ въ философіи не самоуспокоенія, а истины. Въ немъ правдолюбіе взяло верхъ надъ низменными наклонностями, надъ животнымъ стремленіемъ къ счастію. Поставивши вопросъ о цѣли и смыслѣ существованія, тотъ философскій вопросъ, который Ницше справедливо считаетъ центральнымъ, онъ не побоялся разрѣшить его въ отрицательномъ смыслѣ и разрушить иллюзію счастія. Поэтому Ницше видитъ въ Шопенгауэрѣ величайшій типъ философа; онъ чтитъ въ немъ *героизмъ мысли*, не пугающейся никакихъ выводовъ.

Исканіе смысла жизни было изначала основнымъ стремлениемъ Ницше и руководящимъ мотивомъ его философствованія. Уже самыі фактъ такого исканія воздвигаетъ цѣлуу пропасть между философомъ и прочими людьми, осуждаетъ его на одиночество и отшельничество. Среди людей, говорить онъ, необычны вопросы о томъ, „для чего я живу, какой урокъ даетъ мнѣ жизнь, какимъ образомъ я стала тѣмъ, что я есмь, и почему я страдаю отъ жизни“. Въ жизни все направлено къ тому, чтобы отвлечь человѣка отъ этой важнѣйшей задачи въ область будничныхъ, повседневныхъ интересовъ. На вопросъ о томъ, „зачѣмъ я живу“, большинство людей не обинуясь отвѣчаютъ: „для того, чтобы быть хорошимъ гражданиномъ, ученымъ, государственнымъ человѣкомъ“. Словомъ, люди въ огромномъ большинствѣ поглощены тѣми временными, преходящими задачами, которыя ставятъ передъ ними ихъ государство, семья, церковь, общество: вся дѣятельность ихъ направлена къ тому, чтобы заглушить въ себѣ высшее сознаніе, забыться въ погонѣ за счастіемъ и въ слѣпомъ влечениіи къ жизни, для жизни. Они прильпаютъ сердцемъ къ государству, къ деньгамъ, къ служенію наукѣ или къ обществу только для того, чтобы не обладать этимъ сознаніемъ; многие изъ нихъ предаются тяжелой будничной работѣ—въ большей мѣрѣ,—чѣмъ это нужно для поддержанія ихъ существованія, единственно для того, чтобы не прийти въ себя¹⁾). Исключенія изъ общаго пра-

1) Schopenhauer als Erzieher. В I, 430—431.